

Глава 10

Экологические ценности и отношение к культурному наследию как факторы возникновения сплоченности в среде интеллигенции.

Кейс «Угорского проекта» (включенное наблюдение)

Сплоченность — важная характеристика социальной группы научной интеллигенции. Творческий труд в исследовательском «поле» позволяет раскрыть в среде участников группы морально-психологические связующие звенья, создающие основу продуктивной коллективной деятельности. Современный интеллектуальный труд в значительной степени больше чем прежде подразумевает реализацию творческих замыслов, основанных на координации усилий нескольких участников или больших групп специалистов, а также функциональное распределение обязанностей, обмен информацией и морально-психологическую поддержку.

Вышесказанное относится в полной мере к группе российской интеллигенции. Термин «интеллигенция» и соответствующее ему понятие требуют пояснения и обоснования.

Протоинтеллигенция, интеллигенция как социальная общность

Еще десять-пятнадцать лет тому назад это было одно из общеупотребительных и распространенных понятий русского языка, а также и языка научного, по преимуществу социологического. В настоящее время ситуация изменилась. Понятие «интеллигенция» уходит из активного лексикона, теряет свою коннотацию и мутирует в другие понятия-термины, например, «интеллектуалы», «представители интеллектуальных профессий» и другие. Тем не менее, для рассмотрения особенностей динамики исторической эволюции этой социальной группы необходимо дать хотя бы самое общее социологическое определение интеллигенции, на которое мы будем ориентироваться в данном исследовании.

Интеллигенция, как мы ее понимаем, — это социальный слой, состоящий из лиц, имеющих высокий уровень образования, занимающихся профессионально сложным и творческим умственным трудом, а также являющихся носителями набора ценностных ориентаций, доминирующими среди которых становятся просветительство (распространение культуры и знаний), нравственное отношение к жизни, превалирование нематериального интереса над материальным, значимость личной репутации, включая высокий профессионализм, жертвенность и чувство долга (общественного служения).

В среде интеллигенции были выработаны и особые формы сплоченности, основывавшиеся, прежде всего, на приведенном выше кодексе чести или наборе ценностей. При всем различии внутренних идейных течений в кругу интеллигенции в основании сплоченности представителей

этого социального слоя находился свод идеалов, объединявших тех, кто идентифицировал себя с интеллигенцией. Внутренняя идейная убежденность в необходимости служения обществу, возвышенным историческим целям гуманизма и просвещения выступала своего рода платформой, на которой кристаллизовались различные формы сплоченности в интеллигентской среде.

Трудно точно соотнести с исторической хронологией возникновение российской интеллигенции и ее идеологии. В каких-то случаях среди первых протоинтеллигентов называют достаточно ранних представителей российской культуры конца XVIII – начала XIX века, например, А.Н. Радищева и декабристов. В других случаях возникновение интеллигенции относят к середине XIX века, эпохе отмены крепостного права. Но в любом случае можно с уверенностью утверждать, что конец XIX века стал периодом формирования классического типа российского интеллигента, выхода интеллигенции на историческую арену и возникновения ярко выраженных форм внутренней сплоченности. Именно в эти десятилетия российская интеллигенция стала носителем высочайших образцов культуры общемирового значения в литературе, художественном творчестве, науке.

Первоначальные традиции российской интеллигенции обладали мощным идейным и моральным потенциалом, который позволил ей прожить и пережить не только 1917 год, оказавшийся переломным для исторических судеб российской интеллигенции, но и эпоху Советской власти, последовавших лет переходного периода и либеральных реформ вплоть до наших дней. Не в последнюю очередь историческая устойчивость и сплоченность этой социальной группы обеспечивались ценностным содержанием ее мировоззрения, которое позволяло интеллигенции преодолевать острейшие коллизии времени, находить в себе силы преодолевать социальную дисперсию и обретать новые формы консолидации.

Среди важнейших факторов, обеспечивавших эту устойчивость, в том числе и в современных условиях, – мы обнаруживаем экологические ценности и отношение к культурному наследию.

Кристаллизация сплоченности в среде интеллигенции. Кейс-стади Угорского проекта в Костромской области

В основе анализируемого кейса находится своеобразный проект, начатый и осуществляемый группой российских ученых в отдаленном сельском районе Костромской области. На примере этого проекта-эксперимента можно увидеть современные трансформации исторических традиций российской интеллигенции и попытаться воссоздать ценностный строй общественного сознания современной интеллигенции.

Проект-эксперимент начался в середине 90-х годов XX века, в период поздней «перестройки». В его основе лежала инициатива отдельно взятого человека, ученого-обществоведа, социолога Н.Е. Покровского. (Здесь и далее

в канву текста будет вплетаться так называемый *интроспективный анализ*, т.е. анализ и, одновременно, самоанализ, связанный с описанием внутренних мотиваций автора, включенного в рассматриваемую реальность). В 1996 году автор, в то время профессор социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, решил найти дом в сельской местности на максимально разумном удалении от Москвы.

В те годы среди интеллигенции уже существовала своего рода мода или общественное настроение покупать дома в деревне на максимальном удалении от Москвы. В этом переплеталось несколько факторов, составляющих *мотивационную модель* общей идейной сплоченности представителей интеллигенции, разделяющих экологические ценности и имеющих склонность к дауншифтингу:

1. Внутреннее отторжение мегаполиса с его регламентацией социальных отношений, повышенным темпом жизни, обезличенностью людей.
2. Возможность по низкой цене приобрести традиционный сельский дом, шедевр деревянной бытовой архитектуры.
3. Включиться в систему сельской жизни, противостоящей городскому укладу.
4. Обрести равновесие во взаимоотношениях с внешней природной средой, поместить себя в контекст живой природы, обладающей большим потенциалом восстановления психологического баланса.
5. Создать среду для общения с приезжающими друзьями и коллегами, обладающую уникальными качествами, недоступными в городе.
6. «Познание народной жизни», быта и забот «простых людей», крестьян, по укладу своего жизненного мира столь отличных от городских жителей.
7. Войти в прямой контакт с исторической средой, культурным наследием в его первозданном виде (фольклор, исторические памятники).
8. Пользоваться дарами природы, чистой экологической продукцией для обеспечения здорового питания, практически недоступного в городе.

Важно отметить, что совокупность указанных экологических мотиваций, демонстрируемых ученым-социологом, вызывает большой интерес со стороны членов референтной группы, ближайшего окружения, группы коллег и знакомых, а носитель этой мотивации становится центром внимания со стороны участников его круга или сети общения, тем самым повышая свой символический социальный статус. Дезурбанизационная парадигма с далеких исторических времен формирования российской интеллигенции рассматривалась как не только допустимая, но и отвечающая глубинной «сути вещей», то есть ценностям интеллигенции. Весьма показательны в этом смысле начальные строки романа Л.Н. Толстого «Воскресение», ставшие лейтмотивом дезурбанизационной парадигмы для многих интеллигентов прошлого и настоящего: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни

дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, – весна была весной даже и в городе»¹. В метафорической и одновременно реалистической форме Л.Н. Толстой выразил отношение интеллигенции к городу в ее поисках «весны», возрождения и воскресения.

Таковы были основные идейные факторы, определившие антиурбанизационную интенцию и стимулировавшие поиски подходящего локуса, способного обеспечить необходимый результат. После явного (осознанного, проясненного для самого себя) или имплицитного (интуитивно-нерефлективного) формирования мотивационной схемы наступает *географическая стадия* проекта.

Поиск географической «привязки» к месту, локализация, близость к «земле» обладает особой важностью, ибо человек и социально и социобиологически укоренен в физическом пространстве. И несмотря на то, что наступление эпохи всеобщей мобильности (по Дж. Урри) привело сообщества в состояние «жидкостной миграции», постоянно перетекающей из одного локуса в другой (Н.Е. Покровский), тем не менее приобщение к локусу, «малой родине», постоянному месту жительства (ПМЖ) – в широком смысле этого понятия – продолжают обладать большой значимостью.

В анализируемом проекте-эксперименте автор, не обладая собственными знаниями внегородской России, вынужденно опирался на консультации участников своего круга общения и своей сети, на мнения знатоков деревенской рекреации из числа горожан, на «знакомых его знакомых». На этом, географическом, этапе формирования проекта проступают черты и формы будущей сплоченности анализируемой группы. Вначале это обмен информацией, разговоры по душам, различного рода рекомендации относительно того, куда и как лучше ехать для покупки дома. При этом, как правило, консультант из числа сельских домовладельцев не встает на позиции новичка, вступающего в этот круг. Старовладелец непременно расхваливает свой выбор, сделанный много лет назад, свою местность и все с ней связанное, что подчас далеко не соответствует реальному положению дел. В этом нарочитом нежелании принимать роль другого и конструировать схему его мотивации сквозь призму его интереса и других социальных характеристик косвенно проявляется мотив апологии или оправдания своего прежнего выбора. Никто никогда не спрашивает вас о том, что вы хотите и как вы представляете себе свое будущее в деревне. Все старожилы деревенских дач навязывают свой, уже состоявшийся выбор и, по сути, «продают» себя как опытного знатока и эксперта, знающего, «как надо поступать». При этом отказ от предлагаемой экспертной рекомендации может повлечь за собой возникновение напряженности в дальнейших межличностных отношениях, чреватой охлаждением этих отношений вплоть до состояния враждебности. Иными словами, первоначальное направление

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 32. М.: Издательство «Художественная литература», 1936. С. 3.

поиска будущего места проживания сопряжено с рядом открытых и скрытых задач, решение которых требует определенных навыков. Стоит отметить и тот факт, что информация, содержащаяся в книгах, путеводителях и на сайтах интернета, также не вызывает большого доверия у неопита. Эта информация сплошь и рядом несет печать субъективности, рекламности, сенсационности или гламурности.

Таким образом новичок погружается в пучину неизвестности и незаметно для себя становится в своих собственных глазах «первооткрывателем» свой индивидуальной и неповторимой Ойкумены. И это также составляет чрезвычайно важный стимул развития проекта на его первоначальной стадии.

В случае рассматриваемого проекта поиски географического локуса велись в основном по случайной схеме, спорадически и с опорой на фрагменты личного опыта в прошлом (детские и юношеские воспоминания о путешествиях во время школьных каникул, что, кстати сказать, свидетельствует о значимости воспоминаний о ранних этапах социализации, которые словно проступают сквозь толщу дальнейших напластований), либо на советы друзей и знакомых.

Первой дестинацией поисков стала Вологодская область. Путешествие в область происходило зимой 1995 года в сопровождении двух коллег-преподавателей из МГУ (мужа и жены) и их знакомого. Все они владели домами в отдаленном районе этой области, были, по городским меркам, местными старожилами и ярыми «энтузиастами» летней дезурбанизации. Тот факт, что среди поехавших на поиски дома в Вологодскую область проводников, был коллега-социолог, не оказал заметного воздействия на характер поисков в целом. Поисковая операция велась совсем по другим позициям, с учетом внесоциологических, чисто житейских аргументов. Сплоченность в поисковой группе была высокой – сказывались общая заинтересованность членов группы, стремление укоренить нового горожанина в анклав москвичей, проживающих летом в местных деревнях.

В целом по итогам поездки сложилось смешанное впечатление. Действительно, посещенные поселения в Вологодской области обладали чертами северной экзотики, снеговыми просторами. Правда, в обследуемой местности природная среда не обладала какой-то особой ландшафтной привлекательностью. Реки не было, кромка лесов была обозначена лишь на горизонте. Рубленные избы в селах, часто двухэтажные с множеством окон, казались огромными кораблями в зимней пустыне. Они поражали своими размерами, размахом традиционного архитектурного стиля – все было внове, необычно, увлекательно. Это были настоящие домовладения, подразумевавшие, хотя бы в ретроспекции, большие семьи и крепкое хозяйство. Однако, как выяснилось, самые привлекательные дома на продажу не выставлялись. Они принадлежали либо местным жителям, либо сезонным дачникам из Москвы и Петербурга. То есть покупать было практически нечего. Никакой базы данных по продаже недвижимости в районе, никакого

списка свободных домов не было и в муниципалитете (в те времена «сельсовете»). Это было и остается слабым местом местной жилищной политики. С одной стороны, власти постоянно жалуются на депопуляцию и смерть деревень, но, с другой стороны, как правило, не делают ничего даже для элементарной организации обратной миграции из города в сельскую местность. Эти смешанные впечатления и стали конечным результатом поездки. Было увидено много интересного, но практической покупки даже в первом приближении осуществить не удалось. Выбирать было не из чего.

После первой поездки прошло полгода. Группа проводников по Вологодской области более не консолидировалась вокруг проекта покупки дома. Но общая мотивация создания сельской альтернативы Москве сохранялась в полном объеме. Она перешла в консервативную фазу.

Genius loci, или Гений места в Костроме

Летом 1996 года соседи по подмосковной даче случайно обмолвились, что имеют в дополнение к даче еще и дом в деревне. Феномен двух дач - ближних и дальних - с позиций социального географа подробно исследуют в течение последних десятилетий участники Угорского проекта д.геогр.н., профессор Т.Г. Нефедова и д.геогр.н., профессор А.И. Трейвиш¹. Ближнюю дачу жители мегаполиса в большинстве случаев используют для воскресных поездок, реже для постоянного пригородного проживания. Дачная культура в целом крайне распространена в среде российской интеллигенции и составляет особый социокультурный уклад². В свою очередь, «дальняя дача» в деревне символизирует настоящий фронт, взаимодействие лицом к лицу с природой, свободу от ограничений, которыми изобилуют пригородные дачные кооперативы и «товарищества» (скупенность расселения на 8-соточных участках, нарочитое заборное огораживание, отсутствие ограничений по нарушению тишины, пробки на пригородных трассах, полное отсутствие «архитектурности» - чересполосица стилей и форм так называемого «улучшения» дачных построек). По всем этим позициям дальние деревенские дачи на «фронтире» дают заведомо лучший и радикально контрастный вариант решения проблемы, предлагая альтернативные решения по болевым точкам подмосковного дома.

На этом примере мы видим разительное отличие экономического мышления жителей России и представителей Запада, различие экономических укладов этих социокультурных регионов. На Западе (США, Европа) для представителей среднего класса, не говоря о более низких уровнях социальной стратификации, немисливо иметь три дома – в городе, в

¹ Нефедова Т.Г., Аверкиева К.В., Махрова А.Г. (ред.), Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф, 2016; Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Пространственная мобильность населения и роль дачников на Ближнем Севере / Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова (ред.), Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта. Коллективная монография. Научное издание. М.: «Логос», 2014. С. 140-166.

² Нефедова Т.Г., Николаева У.Г., Покровский Н.Е. Интеллигенция в пространственном измерении внегородской России // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 52-61.

ближнем пригороде и на большом удалении от мегаполиса. Недвижимость, не приносящая дохода и не используемая во благо в течение большей части года, а лишь забирающая на себя значительный объем налоговых платежей, либо сдается в аренду, либо продается. В России же все по-другому. Недвижимость сама по себе по-прежнему рассматривается как символ высокого статуса, а до последнего времени налоги были незначительными. Поэтому вариант жизни на два и три дома был и остается достаточно распространенным, что в немалой степени характеризует образ мысли и бытие в том числе и интеллигенции. Для понимания сплоченности в среде интеллигенции важно принимать во внимание, что экономическая рациональность и расчет не входят в число приоритетов и традиционно трактуются как нечто неприличное, как некое низменное состояние души и в целом отрицательное явление. Зато приоритетными становятся психологическая комфортность общения, экологичность, эстетичность и историчность, возможность установления дружеских отношений с близкими по мировосприятию людьми. И дача, причем дача дальняя оказывается наилучшим местом для воплощения всех этих культурных и идейных запросов.

...Географические поиски локуса продолжались. Вместе с новой командой проводников-москвичей путь поиска пролегал в Мантуровский район Костромской области, на среднее течение реки Унжи, притока Волги, в 600 километрах от Москвы и в 10 часах езды на автомобиле по трассе Москва-Ярославль-Кострома-Шарья (далее трасса идет на Киров и Екатеринбург). Географической привязкой этого локуса стало село Угоры (от северного «Угоры», то есть возвышенность), расположенное на правом, высоком берегу Унжи. Первое знакомство с местностью, деревнями и их обитателями, а также природным ландшафтом показало, что все вышесказанное о мотивации дезурбанизаторов из числа городской интеллигенции почти полностью совпало с тем, что раскрылось на берегах Унжи. Более того, в отличие от Вологодчины, здесь, в деревнях Угорского сельсовета, было немало пустующих домов, часть из которых продавалась и была вполне пригодна для проживания. Притом эти дома находились в окружении «живых» домохозяйств самих сельских жителей, либо ранее обосновавшихся городских дачников.

Прозвучал и значимый исторический мотив. Укорененность Угорья в российской истории оказалась на поверку уникальной и знаменательной. В ближайшем селе Давыдово сохранился усадебный парк и фундамент дома, некогда принадлежавших проживавшей здесь летом помещице Н.Д. Апухтиной и ее мужу генералу М.А. Фонвизину. Апухтина, по мнению ведущих пушкинистов, стала прообразом Татьяны Лариной в поэме «Евгений Онегин». М.А. Фонвизин, герой Войны 1812 года, был самым крупным армейским чином, принявшим участие в восстании декабристов и впоследствии осужденным на каторжные работы в Сибири. При этом его супруга, Н.Д. Апухтина, проследовала за мужем в Читу и стала инициатором и организатором поездки жен декабристов в Сибирь. Позднее она находилась в

переписке с Ф.М. Достоевским, а после смерти Фонвизина вышла замуж за И.И. Пущина, лицейского друга А.С. Пушкина.

Глубины одних этих исторических реминисценций было бы достаточно для того, чтобы связать свою жизнь с Угорами.

Не менее важным аргументом в пользу покупки недвижимости в этих местах стало ландшафтное величие Унжи, панорама таежного заречья, лесными волнами уходившего за горизонт. Насколько хватало зрения, ни в чем не было признаков присутствия человека. При этом на правом берегу, в Угорах и в деревнях Медведево и Давыдово, вполне ощутимо заявляла о себе цивилизация со своим устойчивым энергоснабжением, среднего качества дорогами, школой, магазином и магазинчиками, с выездными продуктовыми лавками с почти московским набором продовольствия, медпунктом, почтой-сбербанком, библиотекой и домом культуры с посеребренным Ильичем на постаменте, указывающим путь к коммунизму, а также региональной трассой Р98 и автобусным сообщением на Кострому и близлежащее Мантурово, стоящее на Транссибирской магистрали на расстоянии одной ночи до Москвы.

Получалось так, что желающие могли переходить в брод или переплывать на лодке Унжу и уходить в тайгу, по своему желанию исчезая там на неопределенное время, но по возвращении на правый берег их приветствовала вполне обычная цивилизация XXI века со всеми вышепоименованными своими достижениями плюс инфокоммуникационным покрытием территорий тремя главными операторами сотовой связи и интернета. Сочетание одного с другим, а именно полнейшей первозданности дикой природы, с одной стороны, и всей атрибутики современной культуры, с другой, - делало это место чрезвычайно комфортным, почти идеальным для будущего проживания именно в перспективе интеллектуального труда и интеллектуальной рекреации.

Таким образом, географическая и историческая среда, ландшафтное совершенство, наличие «живых» населенных пунктов – все это служило тогда еще неосознаваемыми предпосылками для будущего формирования научного проекта с вовлечением в него представителей самых разных научных дисциплин и самых разных поколений ученых.

Дом, домовитость, домохозяйство

Дом для покупки нашелся, можно сказать, сам собой. Рядом, через улицу, два года пустовала большая изба 1918 года постройки с крытым двором и уединенным участком, чем-то напоминавшим участки дореволюционных подмосковных дач. Сам дом был построен явно с претензией на деревенский шик, с резными украшениями, карнизами, наличниками – все древесное обрамление и обитые вагонкой наружные стены потемнели от времени, но держались хорошо. Всего в доме было одиннадцать окон. К дому примыкал огромный сеновал, естественно, неотапливаемый, напоминавший самолетный ангар и составлявший с домом

единую конструкцию, истинное состояние которой - прогнившая или нет - оценить городскому жителю было трудно. В целом все это производило грандиозное впечатление.

Внутри дома все пространство было поделено легкими перегородками на комнатухи, стены выкрашены масляной краской и увешаны фотографиями прежних хозяев и членов их семей, начиная с 1918 года. Русская печь занимала чуть ли не половину избы. Она обогревала, на ней можно было готовить, сушить грибы и ягоды, спать на лежанке, просушивать одежду, в протопленной печи, как говорили, даже купали детей. Интерьер несомненно требовал работы и облагораживания.

Оформление покупки прошло быстро и безболезненно. Начались будни ремонта.

Выяснилось, что нижние венцы (бревна) по периметру всего дома основательно прогнили и требуют полной замены. Работа эта в деревнях известная, почти что регулярная, но требующая сноровки и плотницких знаний, а равно и некоторого оборудования, а именно железнодорожных вагонных домкратов. Бригада плотников создавалась с трудом. Работящих и надежных селян уже в те времена, в 1990-е, было в местных краях немного. Но через несколько недель («неделя» - это минимальная единица времени в костромских селах; за «день» ничего не делается и на «дни» работа не рассчитывается) капитальный ремонт начался. Дом поднимали метра на полтора над землей, «выцепляли», на домкратах, вырезали прогнившие бревна и врезали новые. На словах операция не выглядит сложной, но в действительности все оказалось по-другому, а именно, сложно, трудозатратно, медленно. Иногда казалось, что построить новый дом было бы несравненно легче и экономнее, чем ремонтировать старый. Но азарт восстановления исторического и архитектурного артефакта брал верх над всеми иными соображениями рациональности.

С первых шагов восстановления дома и мысленного проектирования его будущего использования возникла концепция превращения всего домовладения в центр общения друзей и коллег по работе, просто всех тех, кто симпатичен, близок по интересам, но в силу понятных причин (темп городской жизни и психологические перегрузки) не находит времени для общения друг с другом в Москве. И хотя Угоры (и более точно деревня Медведево) находились на весьма значительном удалении от Москвы, но этот кажущийся недостаток превращался в очевидное достоинство. Здесь, в далекой деревне, резко ослабевало давление городской цивилизации со всеми ее гримасами, и возникало новое состояние восприятия внешнего мира, очищенное от всего наносного и не свойственного подлинным интересам личности.

Эта постепенно кристаллизовавшаяся концепция наложила свой отпечаток и на архитектурно-планировочные, инженерные и дизайнерские решения. Территория домовладения освобождалась от старых заборов и сараюшек, пространство очищалось от лишних кустов и другой мусорной

растительности. Всюду становилось больше воздуха и света. Внутри дома сносились перегородки, и также раскрывались пространственные объемы. Инженерно дом оснащался современным водоснабжением и канализацией. При этом общий и главный принцип всей реконструкции состоял в том, чтобы внутри помещений делать все максимально функционально, во многом современно, с использованием технических достижений нынешнего века. Снаружи, в противовес этому, сохранялась полная аутентичность историчности места и изначальному проекту.

За два-три года неустанной работы, постоянной смены бригад столяров и плотников, электриков и сантехников, каждодневными поездками в районный центр за очередными строительными покупками, знакомства с десятками местных жителей – дом стал превращаться в некое обиталище, способное выполнять свои функции уникальной среды общения – всего того, ради чего и задумывался проект. И хотя процесс улучшения и дальнейшего совершенствования материальной среды далеко не был завершён (видимо, он не завершится никогда!), в начале 2000-х годов появилась возможность пригласить в Медведево первых гостей и принять их именно как гостей в сносных условиях и обеспечить их размещением, питанием и всем прочим, не делая поправок на «сложные полевые условия костромской деревни». В этом, как выясняется, и состоял принцип – «без поправок на полевые условия».

Здесь, однако, уместно обратить внимание на то, что этот принцип умеренной бытовой модернизации разделяли и разделяют отнюдь не все московские дачники. Многим из них как раз нравятся условия патриархального сельского быта. Покупая дом, они, дачники, менее всего хотят что-либо менять в нем, в том числе и внутри – «давайте жить так, как жили здесь крестьяне сто пятьдесят лет назад». Это довольно распространенная установка, имеющая многих убежденных адептов. В ней есть своя логика. И потому бессмысленно обсуждать, кто прав и не прав. Это разные решения, связанные с тем, что в социологии называется «жизненным стилем». Хотя, впрочем, за следованием тому или иному жизненному стилю может скрываться и более фундаментальная философская или даже мировоззренческая позиция. Это позиция умеренной модернизации с сохранением конкурентного преимущества социокультурной и экологической среды, либо позиция максимальной консервации патриархального уклада, изучение его, бытийственного «проживания» в нем в максимально доступном виде. Этнографически это весьма убедительная позиция, даже если те, кто следуют ей на практике, не осознают всей теоретической фундированности того, что они делают. Можно сказать, что в данном случае интуитивность решений важнее внутренней осознанности и рефлексивности осуществляемого проекта.

Процесс совместной работы над реконструкцией сельского дома стал прекрасным кейсом для исследования коммуникации и сплоченности в сельско-городских сообществах, состоящих из деревенских жителей и «пришлых» городских дачников. Как происходит процесс коммуникации

между этими двумя группами, как устанавливаются взаимодействия и рождается сплоченность, если она вообще возникает?

Видимо, ни для кого не будет секретом то, что отношение местных сельских жителей к городским дачникам весьма неоднозначное, сложное и с преобладанием негативных эмоций. Особенно это заметно на этапе первоначальной имплантации дачника в деревенскую среду. Никто здесь не приветствует вновь прибывшего хлебом-солью, подчас встретив его на узкой тропинке, местные отводят взгляд в сторону и предпочитают не здороваться. Дачника окружает атмосфера некоей неодобрительности с элементами подозрительности. В основе этой гаммы эмоций лежит глубоко укоренившаяся в сознании сельчан экзистенциальная обида на всех городских, которые, по мнению деревенских, все живут богато, несправедливо и незаслуженно богато, тогда как настоящие труженики работают именно в деревне. Чувство социального неравенства и неравного доступа к общественным благам превалирует над другими эмоциями. Иногда эти чувства носят поверхностный характер бесконечных жалоб на судьбу и годину, иногда начинают проступать тона чисто классово-неприязни и классового протеста. Притом никакие аргументы, которые могли бы переубедить местных в том, что это не совсем так, что и в городе всем живется непросто и потому городские как раз и возвращаются в деревню, не имеют воздействия – ничто не может разрушить стереотип негативизма сельчан по отношению к городским дачникам. В их интерпретации городские, приехавшие в деревню, либо с жиру бесятся, либо по уму не совсем в норме (ибо нормальные в деревню добровольно не поедут). Понять сложную мотивацию дезурбанизационной миграции крестьяне не могут, и потому дауншифтеры и дачники в их глазах выглядят непрактичными «чудиками» или же просто полоумными, все делающими не то и не так, по деревенским меркам, и не знающих самых простых вещей.

Между тем по объективным обстоятельствам устанавливать взаимоотношения приходится. Дачники нуждаются в помощи (строительные работы, производство сельхозпродуктов, охрана собственности и др.), а местные жители, при всем желании, не могут пренебрегать доходами, получаемым от дачников. В этом смысле первоначальные отношения услугиобмена и простой взаимной экономической зависимости существуют и отчасти даже развиваются со временем. При этом, однако, эти отношения между двумя группами, как правило, не переходят в более тесное сотрудничество по более широкому спектру вопросов, не превращаются в дружбу и, тем более, не становятся некой сплоченностью в рамках решения насущных проблем, в равной степени затрагивающих интересы всех (например, ремонт разрушенного половодьем моста, замена понижающего электротрансформатора для всей деревни и т.д.). Эти и другие проблемы решаются порознь без всякой координации между сельчанами и дачниками. Разумеется, исключения есть и их может быть немало, но общая картина, тренд именно таковы, как это описано выше.

По наблюдениям многих в среднем требуется от четырех до пяти лет, прежде чем деревенские начнут относиться к семье дачников с более или менее выраженным уважением.

Можно ли считать это изначальное недоверие чисто ситуативным, социальным, продиктованным соображениями поддержания безопасности, либо в этом недоверии проявляют себя глубинные архетипы крестьянского сознания, пришедшие в современность из прошлых веков? Скорее всего, мы имеем дело с напластованием самых различных слоев исторического сознания и исторической памяти – от архаики до эпохи крепостного права, затем советского периода коллективизации и, наконец, периода новейшей истории с ее введением рыночных отношений и культуры денег.

Начало Угорского проекта как научного эксперимента¹

После завершения основных работ по дому и территории (вернее, после завершения первого этапа этих работ) естественно встал вопрос о реализации первоначального замысла создания на базе дома некоего коммюнити московских друзей и коллег с приглашением в Медведево с предъяснением им области сплошной русской экзотики и совершенной экологии.

Москвичи с самого начала отнеслись и к проекту, и к приглашению с интересом и даже энтузиазмом. Скепсиса и критики не было вовсе. Наездами, на десять-двенадцать дней, в Медведево стали наведываться и прибывать на постой московские профессора с семьями. Их восхищению всем увиденным не было предела. Как зачарованные они бродили по деревне, спускались к Унже, сидели в избе, нередко вступали в беседу с местными жителями, понимая приблизительно 60% из того, что говорили деревенские на местном северном диалекте.

Однако достаточно скоро обнаружился странный эффект общения москвичей друг с другом в контексте пребывания в деревне. На первые-вторые сутки истощались все московские темы и профессиональные новости, политические сюжеты никогда не возникали, бытовые разговоры и обсуждение знакомых также умирали сами собой. О чем же тогда говорить? Что обсуждать в среде, по замыслу, специально предназначенной для свободного обмена мнениями?

И здесь один эффект истощения традиционных сюжетов перешел в другой эффект – нескончаемые дискуссии по поводу крестьянской России, обезлюдения деревень, смысла сельской жизни, будущего сельского хозяйства, экологических богатств Костромской области и особенно реки Унжи. Разговоры эти то и дело переходили в формат научных дискуссий, которые тут же приобретали организационные формы: что написать и опубликовать на эти темы, где можно получить хороший грант на

¹ Здесь и далее используются материалы интервью Н.Е. Покровского «Социологическая экспедиция как исследовательская практика и форма обучения полевой работе» // *Laboratorium*. 2015. № 7(2). С. 171–181.

исследование, с кем сконтактировать в Москве для создания группы по исследованиям Мантуровского района, как организовать выездную конференцию прямо в деревне, как привезти сюда студентов и магистров и что с ними делать, как инициировать научную практику и экспедицию. И чем дальше и глубже продвигались эти дискуссии, тем яснее становилось всем, что возникает большой проект, обладавший всеми чертами уникальности.

Участники тех первых поездок на базу в Медведево поголовно испытывали магнетизм местной среды – природы, деревень, земли и солнца, кстати, и запахов лугового разнотравья тоже. Сходное воздействие испытывают и участники международных научных конференций, в течение многих лет проводящихся на базе Сообщества профессиональных социологов в Медведево (в 2016 году в мае прошла уже седьмая междисциплинарная конференция). От первой реакции «Зачем мы здесь оказались, в этом захолустье?» быстрый переход к высказыванию «Как тут замечательно, ни на что не похоже, испытываем особое чувство восторга, нельзя ли купить дом?!». Во всем этом нет места мистике, а есть определенная логика психологического воздействия, в общих чертах обозначенная в классическом философском трактате Генри Торо «Уолден, или Жизнь в лесу».

После приобретения традиционного сельского дома (1918 года постройки) и земельного участка, к нему прилегавшего, начались деревенские университеты бытового обустройства жизни в абсолютно новой среде, ремонты, перестройки, установление связей с односельчанами и сельским начальством. Главное впечатление от первых лет, сохранившееся и поныне, – это чувство свободы самореализации. В отличие от города, тем более, мегаполиса, где все зарегулировано и регламентировано, деревня предстает зоной свободы, где, в общем и целом, все возможно и доступно, будь на то воля и довольно скромные средства. После нескольких лет, проведенных в летние сезоны в деревне, стали возникать замыслы подвергнуть окружающий деревенский уклад жизни научному анализу. И если прежде для участников поездок в Медведево все разделялось на составные части: в Москве – профессиональная работа, наука, преподавание, а в деревне – отдых, приватная сфера личных интересов, то довольно скоро эти сферы стали соединяться. К сегодняшнему дню можно констатировать, что обе сферы значительно интегрированы друг с другом. Деревня превратилась в поле профессиональной реализации научных интересов (и в меньшей степени местом чистой рекреации), здесь же из отдельных компонентов складывается учебный процесс (приезжают на практику студенты, магистры, аспиранты), это место стало также полем международных научных обменов (зарубежных коллег в немалой степени интересуют именно глубинные районы России, а не аудитории московских университетов и конференц-залов). Деревенский мир представлялся оригинальным, малоизученным, в общем и целом, неизвестным для столичных социологов и зарубежных коллег. Более того, замысел исследования изначально, даже в своей интенции, не подразумевал

«крестьяноведческой» направленности, то есть изучения крестьянских сообществ в качестве самодовлеющей и самоценной социальной и исторической общности. Интересовали признаки, «индикаторы» проявления общеглобализационных процессов на микроуровнях крестьянской повседневной жизни: теоретические аспекты глобализационной матрицы в той мере, в какой они реализуются в самых низовых и периферийных социальных общностях. В какой степени все это можно назвать экспедицией? В некотором смысле можно. Выход за пределы мегаполиса на значительное расстояние, погружение в неизвестную социокультурную и природную среду – это и есть экспедиция. Правда, в нашем кейсе речь в основном идет о создании постоянной экспедиционной базы, к которой привязываются «лучевые» экспедиционные вылазки, покрывающие достаточно большие пространства.

Итак, начало «Угорского проекта» – наглядный пример того, как случайная покупка деревенского дома в Костромской области постепенно способствовала перерастанию первоначальной чисто рекреационной мотивации горожанина в нечто большее, в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села.

С начала 2000-х годов исследовательскую программу стал поддерживать Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), что позволило привлечь коллег и организовать ежегодные междисциплинарные экспедиции в Костромскую область, проводить исследования, издавать книги. Все больше и больше московских, и не только московских, ученых стало приезжать с научными целями в маленькую деревеньку Медведево, а деревенский дом постепенно превратился в научный центр. Проект развивался на базе Сообщества профессиональных социологов с привлечением экономистов, философов, психологов. Сложилась междисциплинарная группа исследователей, в которую первоначально входили и по-прежнему входят психолог В.Ф. Петренко, социолог-крестьяновед В.Г. Виноградский, экономисты С.Н. Бобылёв, А.З. Бобылёва, социобиологи Л.М. Баскин, В.С. Зайцев, Е.С. Преображенская, кинооператор и фотограф В.Н. Иванов, позже присоединились социальные географы Т.Г. Нефёдова, А.И. Трейвиш, А.В. Дроздов, социолог В.И. Ильин, эконом-культуролог У.Г. Николаева, демограф М.Б. Денисенко, исследователи масс-медиа И.В. Кирия и С.Г. Давыдов и другие коллеги. В исследовательской группе представлены ведущие столичные и региональные университеты России и институты РАН. Исследования идут, естественно, не спонтанно, а по четко прописанным программам, поддерживаемым РФФИ, Научным фондом НИУ ВШЭ, фондом «Хамовники», Российским научным фондом (РНФ).

Как-то в середине 2000-х годов в экспедицию приехал профессор А.Г. Барабашев, в те годы декан факультета государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ. После всего увиденного Алексей Георгиевич принял оперативное решение создавать научно-исследовательский стационар своего факультета там же, в Медведево. И этот

проект успешно осуществился. Так что на сравнительно небольшом участке «фронта» сосредоточены большие силы столичных ученых. Фактически возник и оформился научный экспедиционный кластер.

Одна примечательная особенность, заслуживающая внимания. Все участники экспедиционного проекта – ведущие исследователи, а многие и признанные лидеры в своих научных дисциплинах. Это воистину ансамбль солистов. И потому все без исключения до предела загружены преподаванием и отдельными исследованиями в своих университетах и институтах. Но «Угорский проект» смог объединить их всех по принципу исследования-экспедиции как рекреации. То есть произошло естественное наложение этих двух сфер жизнедеятельности ученых. Если говорить проще, то сама практика показала, что члены объединившейся экспедиционной группы живут интересами науки и не мыслят проведение своего свободного времени в виде чистого отдыха, праздного ничегонеделания, «грибов-ягод-рыбной ловли», обсуждения сплетен из профессиональной и политической сфер и пр. Все обсуждения и жаркие дискуссии рано или поздно (скорее даже с самого начала) переходят на исследовательские вопросы, связанные с «полем», простирающимся за пределами экспедиционной базы. Просто потому, что у участников проекта нет другого всепоглощающего интереса, отличного от научного. При этом понятие «отдых» подразумевает в данном случае исследовательские практики, развивающиеся в свободном творческом формате. Это и есть «отдых». Поэтому в случае специалистов, экспертов высокого уровня можно говорить об исследовании как рекреации и рекреации как исследовании и об особой форме сплоченности, в которой соединяются личное, общественное, наука, экспертиза и отдых.

Это идет несколько в разрез с привычным образом социологической, и любой другой, экспедиции и полевых исследований в виде нескончаемой череды преодолений, которые представляются как экстрим – с представлением, связанным, если не с физическими угрозами, то, по крайней мере, с фатальными бытовыми трудностями: столько-то дней не спать, столько-то дней чего-то не делать еще ради нескольких строчек в отчете. Ничего подобного в экспедиционной деятельности «Угорского проекта» не происходит. И, надо надеяться, не будет происходить. С самого начала экспедиционная база обустроивалась и расширялась, исходя из двух интуитивно одобряемых всеми принципов. Первое – обеспечение максимально доступных на современном уровне информационных услуг (широкополосный интернет, телеконференции, сотовая связь), проживания, питания и безопасности на среднеевропейском уровне. Инфокоммуникационное снятие удаленности локуса и его изолированности от внешнего мира. Второе – сохранение внешней архитектурной аутентичности домов, ландшафта, строительных материалов и пр. Иными словами, речь шла и идет о максимальной модернизации «внутри» и столь же максимальной охране визуальной эстетики «снаружи». Притом указанная

программа никем специально не формулировалась. Она возникла сама собой как проявление «духа» экспедиции.

Принцип сохранения среды также переносился и на местные сообщества. В экспедиции не обнаружили себя интенции преобразовательной деятельности в социальной среде, и в этом смысле парадигма так называемой публичной социологии в духе Майкла Буравого с его партисипаторным абсолютизмом никогда не была близка членам группы (хотя вполне естественная помощь местной библиотеке, компьютерному клубу, дому культуры оказывалась в полном и немалом объеме). И тем не менее социология всегда воспринималась ими, прежде всего и по преимуществу, как позитивная исследовательская дисциплина, изучающая объективную реальность.

Прозелитизм и реформаторство выводились в сферу публичной деятельности властей, прессы и общественных организаций. Надо признать, немало исследователей внегородской России воспринимают свою научную работу не иначе, как особую миссию на Земле по спасению сельской России от бурь глобализации, как чистой воды прозелитизм. Участникам нашего проекта, как мне представляется, чужд идеологический компонент и мессианство какого-либо рода. Прежде всего, мы – социальные ученые, исследователи объективной социальной реальности и присущих ей процессов. Для нас – это диагностика, научное моделирование, а не наполненная политикой борьба за переустройство общества. Ныне деревня привлекает и экспедиционеров иной масти. Они используют всякого рода постмодернистские рефлексивные приемы феноменологического конструирования реальности, «социологический эпистемологизм», бродят по селам в поисках рефлексии в своей неуспокоенной душе и постоянно конструируют абстрактные концепты «сами по себе». Как вы понимаете, такого рода спецы не для нас, их и нет в нашей экспедиции. Ко всему прочему есть и другая крайность. Согласно сторонникам этой крайности, сельскую Россию могут изучать только сами выходцы из этой «корневой» России или, на худой конец, внестоличные ученые, ибо столичные ученые по определению отравлены своим снобизмом и больны «куриной слепотой» по части настоящей жизни народной. Что тут скажешь? Надо изучать историю Отечества. В XIX веке все это уже было в жарких дискуссиях народников, «западников» и «славянофилов». Вот в эти дискуссии «Угорский проект» и не включается за неимением свободного времени и по причине того, что ставит перед собой совсем иные задачи.

Ученых, помимо теоретических аспектов глобализации, протекающей в микросреде, «клетках» общества, интересовало и нынешнее состояние российской деревни с ее традиционным укладом, сложными проблемами и перспективами на будущее, но не в качестве изолированной социальной группы, а в качестве органичной составной части всей социальной структуры общества. Ведь не секрет, что для коренных жителей больших городов и особенно столицы, деревня – это загадочный континент. При упоминании

сельской России взгляд просвещенных столичных жителей обычно смурнеет, и следуют типовые вопросы: «А там все пьют с утра? А зимой Ваши дома обворовывают дочиста?».

Иногда складывается впечатление, что горожане вообще хотели бы забыть о самом существовании сельской России как о большом национальном провале, об Атлантиде, которая погружается на дно цивилизации. А ведь это 38 млн. жителей. Да и остров-то очень разнообразный для того, чтобы его хоронить. Для тех, кто обладает даже самыми начальными познаниями в области социологии, самоочевидно, что сельская Россия не может быть подвергнута аннигиляции, забыта и перечеркнута. Она зримо и незримо воздействует на все остальное общество, даже если это «остальное» общество об этом и не подозревает. Во всем этом группе ученых и хотелось разобраться, отделяя традиционалистские мифы от реальности. Непрекращающийся кризис районов Ближнего Севера, перешедший в хронику, был налицо. Сама констатация кризиса ничего не давала. Но разобраться в его истоках и протекании самой болезни было более чем важно. При этом, шаг за шагом исследуя нисходящую траекторию развития не только в последние 20 лет, но и в течение многих десятилетий XX века, участники проекта одновременно видели, сколь огромен потенциал этих регионов, измеряемый не сиюминутной экономической выгодой, а последствиями перспективной трансформации экономики и социальной жизни. Первые тезисы проекта, сформулированные Н.Е. Покровским¹, включали следующие положения: 1) В современной России город и село принадлежат к двум разделенным континентам социального уклада и живут отдельной жизнью, в асинхронных ритмах протекания социального времени. 2) В стране возникают смешанные сельско-городские сообщества, обозначающие формирование нового уклада новых социальных сил общества. 3) Эти тенденции вписываются в глобализационный дискурс современности.

Эти наблюдения и выводы возникли на фоне общей депрессии сельской жизни и особенно сельского хозяйства периферийных районов Нечерноземья в 1990–2000-е годы. Мощные центробежные векторы социальных и экономических процессов не только не привели к «окукливанию» местного мирка, как можно было бы предположить, но, наоборот, способствовали подключению его к глобальным процессам. Производство сельскохозяйственной продукции снизилось до критических величин и назвать его товарным рыночным крайне трудно; поля остаются незасеянными и зарастают кустарником и лесом. При этом остается все меньше спелых лесов. Однако на этом фоне парадоксальным образом в села шагнули современные технологии. Сотовые телефоны стали повседневностью, хотя местные власти, истратив уйму денег, с большим

¹ Покровский Н.Е. Введение. Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты / Н.Е. Покровский (ред.), Город и село в современной России: перспектива структурного воссоединения. М.: СоПСо, 2004. С. 4-6.

опозданием поставили посреди каждой деревни стационарный телефон, который всюду зарос травой, поскольку им никто не пользуется. Во многих местах стал доступен интернет. Над сельскими избами то тут, то там громоздятся тарелки спутникового телевидения. К этому добавляется экспансия современных форм потребления, разнообразие которых демонстрирует районный центр с его современными магазинами и обширным ассортиментом товаров, не уступающим московскому. Продолжается автомобилизация населения. Перед многими сохранившимися деревенскими домами стоят автомобили. При этом сильно отстает инфраструктура, в том числе дороги, даже федеральные; медицинское обслуживание и образование находятся на грани исчезновения. Зато пенсионное обеспечение на высоте, что сделало сельских пенсионеров при их сравнительно низких тратах на продовольствие при собственном огороде, привилегированной кастой доходоприносящих граждан. Такие противоречивые процессы и влияния приводят к окончательному загниванию местной экономики, превращению сельских сообществ в паразитное напластование на нефтяной экономике страны в целом.

Эти контрасты обусловили и направления исследований по «Угорскому проекту» в первые годы (приблизительно 2000–2006 гг.). Они были связаны с поисками ответов на вопросы: 1) Обретает ли сельское население при сокращении численности некий внутренний баланс? 2) Привлечет ли пустеющая сельская местность новую волну горожан? 3) Что именно привлекает горожан, и как можно регулировать эти процессы институционально и экономически, чтобы создать стимулы развития сельской местности?¹ Таким образом, первый этап исследований был сфокусирован на многоаспектном исследовании кризиса сельской России в регионе Ближнего Севера. В итоге экспедиция пришла к неутешительному общему выводу. На фоне обвальной депопуляции местного населения происходит сворачивание хозяйственной деятельности во всех ее проявлениях. Освоенное пространство буквально на глазах сокращается и концентрически сжимается вокруг районных и областных центров. И единичные кейсы «одной счастливой деревни» (организованной по европейским образцам фермы, процветающего родового домохозяйства) абсолютно не меняли тренд. В полученном выводе не было ничего нового, но еще одно исследовательское доказательство этого вывода тоже имело свой смысл, так сказать «контрольный замер». Собственно говоря, на этом можно было бы и сворачивать всю работу и переходить к чистой рекреации без примеси науки, ибо исследовательское поле исчерпывало себя. Но сама жизнь потребовала продолжения работы. Стал набирать обороты процесс обратной миграции горожан из города в село. Сельские дома начали расти в цене и повально раскупались горожанами. Началась своеобразная «реколонизация»

¹ Покровский Н.Е. (ред.), Город и село в современной России: перспектива структурного воссоединения. М.: СоПСо, 2004; Покровский Н.Е. (ред.), Перспективы российского Севера: «очаговая» экономика и социальная структура. М.: СоПСо, 2007.

экологически, исторически и географически привлекательных зон. Это было действительно что-то новое, неожиданное, требующее и макротеоретического и эмпирического осмысления. Постепенно вырисовывалась следующая картина. Одно из проявлений постиндустриальных матриц в российском обществе можно увидеть в возникновении на селе новых сельско-городских сообществ («агрегаций») и новых видов сплоченностей (cohesion). В наши дни достаточно многочисленные социальные группы жителей больших индустриальных городов приобретают на правах личной собственности дома и наделы земли в отдаленных селах и деревнях. На поверхности этот процесс, начавшийся еще в 1990-е годы, представлялся в виде вынужденного шага со стороны тех горожан, которые не могли обеспечить себя и свои семьи средствами для полноценного и современно организованного отдыха (туризма, санаторного лечения и т.д.), хотя субъективно аргументация новоявленных «деревенщиков» могла быть и иной. В ряде отнюдь не единичных случаев первоначально присутствующая чисто рекреационная мотивация горожан перерастала в нечто большее, а именно в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села, к ведению хозяйства, к экономической, политической и культурной модернизации сельских сообществ. Городская культура позволяет горожанам видеть огромные не реализованные возможности села во всех сферах жизни.

Сельские жители, находясь часто в состоянии долговременной социальной и психологической депрессии, также осознают, что своими силами им не остановить процесс обвальной деградации и умирания села. Здесь смыкаются два процесса, два согласованных интереса и возникает глубинная органическая интеракция, которая в состоянии создать и уже стихийно создает и некие новые социальные структуры – сельско-городские (пока что незримые и нередко нераспознаваемые) сообщества. Социальная база ожидаемых изменений связана с развитием так называемой «удаленной работы» и усилением миграционного оттока «креативного класса» из городов в разреженную сельскую местность. Поменяются полюса притяжения мигрантов. Города перестанут быть наиболее привлекательными, а в удаленной сельской местности главным станет не сельское хозяйство и даже не использование природных ресурсов, а производство интеллектуальных продуктов, главенствующее значение приобретут информационные коммуникации и физическая мобильность (там же). По идее именно потребности снизу, а не планирование сверху должны трансформировать в будущем и инфраструктуру. В более отдаленной перспективе обозначатся новые волны миграционного наполнения Ближнего Севера представителями среднего класса крупных городов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга.

От дачной рекреации сегодняшнего дня к закреплению на селе в формате «жидкостной миграции»

Жидкостная миграция (термин Н.Е. Покровского) применительно к деревне обозначает не оседлое закрепление в сельской местности, а проживание в ней с постоянными отъездами-возвращениями. При этом, однако, сохраняются необходимые привязки к локусу проживания (например, немобильные члены семьи, символическая аффилиация с «малой родиной») сосредотачиваются в сельской местности. Закрепление на селе горожан происходит в соответствии с признаками полной рациональности и оптимизации качества жизни, но прежде всего, разумеется – в экологическом отношении. Мотивы дауншифтинга и рекреации как базовые для горожан в деревне – одна из основных гипотез в проводимых и планируемых исследованиях «Угорского проекта». Эта тема и стала ведущей исследовательской линией «Угорского проекта» с середины 2000-х годов по настоящее время. Впрочем, о настоящем времени. Социальная реальность страны и мира 2014–2017 годов и, видимо, последующих лет, опять же на макроуровне, может оказать серьезнейшее воздействие и на процесс дезурбанизации и возвратной миграции из города в село. Сегодня явственно встают следующие вопросы: Сохранятся ли в условиях экономического кризиса тренды рекреационного освоения Ближнего Севера жителями мегаполисов? Не сменится ли тренд дачно-рекреационной миграции, роста экономики туризма новым трендом – «бегства из мегаполисов» в результате непомерной дороговизны, налогового бремени, растущих квартирных поборов? Не получится ли так, что сельские регионы Ближнего Севера, не успев воспринять дачную миграцию и модернизироваться, вновь погрузятся в социально-экономическую изоляцию? И как все это может в принципе повлиять на жизнь сельских сообществ? Все эти сценарии возможны, и их индикаторы присутствуют в той или иной комбинации в картине сельского мира на Ближнем Севере. Проблема в том, как будет развиваться процесс в перспективе, каково будет соотношение урбанизационных и дезурбанизационных трендов.

Междисциплинарный исследовательский Угорский проект как уникальная модель сплоченности

В течение всех прошедших лет сформировался достаточно устойчивый организационный формат междисциплинарной экспедиции Сообщества профессиональных социологов. Внутрипроектные программы и подпрограммы формируются вокруг руководителей направлений. Именно они планируют полевые исследования и привлекают для их реализации соответствующих специалистов, как правило, научную молодежь из числа аспирантов, магистров и студентов вузов и институтов РАН. Это первичные ячейки научной сплоченности, возникающие вокруг руководителя и вдохновляемые конкретной научной проблемой. Эти рабочие «полевые» группы действуют по своему графику. При этом результаты полевой работы, а также получаемые и обобщаемые данные постоянно обсуждаются на экспедиционных конференциях и семинарах. Иными словами, интеграция

происходит в большей степени на этапе предварительного методологического дизайна исследования и на этапе обобщения его итогов. Как выясняется, это оставляет немалую степень свободы для руководителей направлений и преданных им исследовательских групп. В тесной координации с программой конференции на конференц-базе «Угорского проекта» открылся «Сельский университет на Унже» – уникальный образовательный и исследовательский проект, призванный включить университетское преподавание в контекст внегородского жизненного мира, ориентированного на инвайронментальные ценности. В рамках «Сельского университета» организованы учебные курсы, мастер-классы и проектные лаборатории по следующим темам: «Теория и прикладные аспекты клеточной глобализации», «Социальное пространство России», «Драматургия социологического исследования российской глубинки», «Поведение потребителя рынка туристских услуг в условиях развития сельских территорий», «Природный капитал и “зеленая экономика” XXI века», «Проект эколого-культурного тура “Долиной Унжи. Вехи времени и пространства”» и другие. В общении на природе, в деревянных аудиториях, перестроенных из сеновалов деревенских изб, возникает неповторимое чувство уникальности происходящего, глубокой включенности в небольшой коллектив, вдохновленный изучением конкретных проблем конкретных людей, живущих здесь рядом, или совсем недалеко. Общение с местными жителями, у которых берутся интервью и с которыми ведутся многочасовые беседы, также создает атмосферу причастности к той социальной реальности, которая постигается здесь и сейчас.

Учебные курсы и мастер-классы в рамках «Сельского университета на Унже» ведут известные ученые и педагоги: доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН Т.Г. Нефёдова, доктор биологических наук, профессор Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН Л.М. Баскин, доктор экономических наук, старший научный сотрудник кафедры демографии экономического факультета МГУ У.Г. Николаева, кандидат географических наук, сотрудник Института географии РАН А.В. Дроздов, доктор социологических наук, профессор СПбГУ В.И. Ильин, кандидат психологических наук, доцент КГТУ М.В. Данилина, доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ Ю.М. Плюсин, ординарный профессор, заведующий кафедрой местного самоуправления НИУ ВШЭ С.Г. Кордонский, доктор социологических наук, профессор НИУ ВШЭ Н.Е. Покровский и другие. Студенческие лаборатории начали свою проектную работу и моделирование в ходе программы «Сельского университета на Унже» (май 2014 года) и продолжили деятельность в течение последующего периода по отдельным программам с использованием дистантных форм работы. За плечами каждого из руководителей направления - колоссальный опыт проведения полевых исследований, высокий научный авторитет, уникальные человеческие качества. Это привлекает молодежь. Но это же привлекает в проект все новых ученых, стремящихся обрести и погрузиться в

атмосферу междисциплинарного диалога, неформального творческого общения крупных исследователей-энтузиастов.

Полевые исследования в рамках «Угорского проекта» ведутся по динамично сформировавшимся направлениям, за которые отвечают соответствующие группы. Каждая группа формирует свой план полевых исследований с использованием соответствующих методов. Все это обобщается в единую картину на заседаниях, конференциях, в наших ежегодных отчетах, направляемых в научные фонды, спонсирующие проект, и, разумеется, в публикациях, главной из которых стала коллективная монография «Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения»¹.

Перед руководством проекта никогда не стояла задача создать некий единый исследовательский коллектив, работающий так, словно это институт РАН. Проект был и остается в значительной степени само-инициативным, саморазвивающимся, независимым ни от каких внешних обстоятельств и тенденций. Ученые едут в Медведево и ведут научные поиски «с душой», рассматривают свою причастность неформальному научному коллективу как возможность творческого самовыражения. Оказывается, при известных условиях (прежде всего, это высочайший уровень ключевых действующих лиц и их абсолютное умение «самонастраиваться» на работу) исследования идут ничуть не хуже, чем по старым схемам жесткого регулирования. Не только не хуже, а чаще всего и много лучше. Это один из уроков «Угорского проекта», его, можно сказать, экспериментальный замысел и результат, вполне себя проявивший и реализовавший. Разумеется, экспедиционные исследования в сельских условиях предполагают большой объем организационной и административной работы, однако неформальная сплоченность ядра Угорского проекта, необыкновенная человеческая атмосфера, позволяет так или иначе справляться с теми бытовыми и техническими трудностями, которые возникают, причем на каждом шагу.

Каковы перспективы развития Угорского проекта? Каково социальное значение той уникальной сплоченности, которая возникла в исследовательском коллективе? На сегодняшний день (осень 2016 года) можно сказать, что экспедиция «Угорского проекта», действующая на базе Сообщества профессиональных социологов, активно развивается. Все основные направления ее активности не только сохраняются, но получают стимулы к дальнейшему развитию. Проект привлекает все большее внимание научной общественности в России и за рубежом. Все основные средства массовой информации и интернет в России посвятили ему специальные публикации. Местные власти, областная администрация Костромской области, постоянно используют площадку экспедиционных конференций для

¹ Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.), Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта. Коллективная монография. Научное издание. М.: «Логос», 2014.

продуктивного диалога с учеными. В экспедиции много молодежи, и это верный признак плодотворности избранного пути.

Исследуемый кейс Угорского проекта показывает, насколько тонким и точным может быть социальный механизм сплоченности и самоорганизации группы, основанной на реализации творческих проектов. Сведение до минимума внешней нормативности отнюдь не означает распада солидарностей и всей ткани межличностных отношений, в данном случае реализующих творческий научный потенциал. Напротив, происходит саморегуляция группы, и в итоге - интегральное повышение ее эффективности. Это более чем наглядно иллюстрирует жизнедеятельность научной интеллигенции в современных условиях.